

**КОЗЛОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
ГИД, ЭКСКУРСОВОД ТУРАГЕНТСТВА
«ОРЕЛ И РЕШКА» (Г. ЧЕРЕПОВЕЦ)**

**«ЧТО ЗНАЮ Я О МИРЕ И ВОЙНЕ...» (ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В
СТИХАХ СЕРГЕЯ ОРЛОВА)**

Сергей Сергеевич Орлов (1921-1977) – поэт, прошедший Великую Отечественную войну, наш знаменитый земляк, уроженец Череповецкой губернии. Его родина – село Мегра (илл. 1), впоследствии исчезнувшее из-за создания Волго-Балтийского водного пути (ныне близлежащий поселок Мегринский находится в составе Шольского поселения Белозерского района Вологодской области). Поэт с некоторой грустью вспоминал об этом:

Моей деревни больше нету...
Она жила без счёта лет,
Как луг, как небо, бор и ветер, –
Теперь её на свете нет...

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть ещё двадцатый век, –
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек. [3 : 330]

Прежде всего, С. С. Орлов известен как автор хрестоматийного стихотворения «Его зарыли в шар земной...» [3 : 51], возникшего, наряду с многими другими, под впечатлением тех событий, участником и очевидцем которых он стал, когда летом 1941 г. в его жизнь и в жизнь миллионов советских людей вторглась война.

В составе добровольческого отдельного истребительного батальона 19-летний студент Петрозаводского университета был заброшен в леса на

борьбу с диверсантами. Первый бой с противником студенты-добровольцы приняли в июле 1941 г. при наступлении финских войск «Карельской армии» на г. Петрозаводск – в районе Ведлозера. Поэт рассказывал будущим читателям:

Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках. [3 : 347]

С. С. Орлов был скромным и не стремился к славе (илл. 2). Например, его стихотворение «Граната» [3 : 11], написанное в 1941 г., впервые было опубликовано только спустя 38 лет. Стихи копились, как говорилось, «от атаки до атаки» [7]; молодой поэт записывал их в фронтовой блокнот:

Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз.
Под картой в сумке прятал я тетрадку.
Друзья просили: напиши про нас! [3 : 347]

И он писал стихи, действительно, о друзьях и о себе:

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года. [3 : 41]

В конце 1941 г. рядового С. С. Орлова отправили в г. Челябинск на курсы в танковое училище. Курсант получил звание сержанта – командира отделения учебного взвода. Затем ему было присвоено звание лейтенанта.

Спустя год С. С. Орлов зачислен в 33-й отдельный гвардейский танковый полк прорыва. Зимой 1942 г. эшелон, в котором он следовал на фронт, на двое суток остановился в г. Череповце. Отпросившись, С. С. Орлов сумел за это время добраться до г. Белозерска, чтобы встретиться с родными, и вернуться.

Один из первых боёв, в котором принимал участие 33-й танковый полк и вместе с ним командир тяжёлого танка КВ – гвардии лейтенант С. С. Орлов, состоялся за дер. Карбусель (после выгрузки на станции Нázия). Происходившие на войне события нашли отражение в стихах:

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало чёрным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи. [3 : 46]

В марте 1943 г. танк С. С. Орлова был подбит, находясь вдали от своих. Экипаж чинил машину по ночам, и через трое суток они приехали, вернувшись в часть. С боями С. С. Орлов проделал путь от Мги до Апраксина. Впервые в поэзии он описал картину танкового боя. «Созидание и война – вещи несовместимые» (по его выражению), но окровавленная и изуродованная снарядами и танками земля дала начало стихам. Вот одни из них:

Бронебойным снарядом разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба. Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал, как патроны рвались и снаряды,

Как руками без кожи защёлку искал командир,
Как механик упал, рычаги обнимая,
И радист из ДТ по угрюмому лесу пунктир
Прочертил даже мёртвый, крючок пулемёта сжимая. [4 : 194]

Его последний бой состоялся 17 февраля 1944 г. в Псковской области. Войска наступали на Волховском фронте. Танковый взвод гвардии старшего лейтенанта С. С. Орлова получил боевое задание: занять деревню Гора (вблизи г. Холм). С. С. Орлов, командир взвода танков КВ, был ранен и получил тяжелейшие ожоги в пылающем танке. На нем горела не только одежда, но и руки, волосы, лицо, веки (из анамнеза: ожог 2-3 степени лица и обеих кистей рук). В одноименном стихотворении «Деревня Гора» он написал об этом:

Как я полз по снежной пашне до окраинной избы,
Опалённым ртом хватая снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская из дымящейся (!) руки. [3 : 53]

Когда его доставили в медсанбат, от боли он потерял сознание, с его лица свисала кожа. Позже сам С. С. Орлов рассказывал так: «В этом бою моя машина (*танк – А.К.*) была повреждена противотанковой миной и замерла. И тут же почти прямой наводкой немецкая пушка ударила в борт танка. Снаряд разорвался в машине, она вспыхнула факелом. Трое моих товарищей были сразу убиты, уцелели лишь механик и я. Горящие, мы выскочили из машины прямо под пулемётный огонь фашистов. Нас тут же обоих ранило. Обрато ползли по своей же танковой колее в снегу. Она привела нас к воронке от снаряда. Скатились в неё. Здесь-то и подобрала нас девочка-санитарка. Она вывела, вытащила нас из-под обстрела, довела до своих» [7 : 113]. Вот строки из стихотворения:

Пистолет из рук не выпуская,
Выскочил из люка, задыхаясь,
На пути двоих убил гранатой
И приполз, а на лице нет кожи,
И врачи сказали в медсанбате:
Этот парень вряд ли выжить сможет...
Смерть пришла, назвал её бесстыжей,
Жить решил назло всему, – и выжил. [3 : 48]

Командир роты тяжёлых танков И. М. Григоренко вспоминал именно о том дне, когда он увидел, как несли на носилках С. С. Орлова и его механика, сбивая с них огонь, в дымящихся ватниках, «на руках снесли до медсанбата»; увидел их чёрные от копоти лица, обожжённые руки. Было солнечное утро, и он подумал, что лейтенанту этому не жить, а уж солнца и подавно не видать [7]. Много лет спустя, услышав это, С. С. Орлов сказал: «А я до сих пор считал, что тогда была ночь». Поэт писал:

Учила жизнь сама меня. Она сказала мне,
Когда в огне была броня и я горел в огне,
Держись, – сказала мне она, – и верь в свою звезду,
Я на земле всего одна, и я не подведу.
Держись, – сказала, – за меня. И люк откинув, сам
Я вырвался из ТЬМЫ ОГНЯ и вновь приполз к друзьям. [4 : 110]

Через несколько дней, 23 февраля 1944 г. С. С. Орлов был награждён орденом Отечественной войны II степени, но узнал об этом позже. Шла пора нескольких госпиталей:

- медико-санитарный батальон (медсанбат);
- эвакогоспиталь № 88 (Ленгорздравотдела) с 27 апреля по 3 мая 1944

г.;

- госпиталь № 436 с 3 мая 1944 г. (Череповец). Примечание: военный госпиталь № 436 находился в Череповце с 1 апреля 1942 г. по 1 июля 1944 г. [2 : 507], размещался в здании треста «Череповецлес» (ул. Ленина, д. 80) и в быв. школе № 9 (ул. Верещагина, д. 43) [1 : 105];

- эвакогоспиталь № 3591 (Череповец). Примечание: эвакогоспиталь № 3591 находился в Череповце с 11 июля 1941 г. по 1 мая 1945 г. [2 : 507];

- эвакогоспиталь № 1931 с 15 мая по 24 июня 1944 г. (Белозерск). Примечание: эвакогоспиталь № 1931 находился в Белозерске с 1 февраля 1943 г. по 1 августа 1944 г. [2 : 504], а в Череповце с 1 сентября 1944 г. по 1 октября 1945 г. [2 : 507], размещаясь в здании по адресу: пр. Советский, д. 30-Б [1 : 105].

В биографической литературе говорится, что когда весной 1944 г. С. С. Орлов был переведён в госпиталь, то завёл госпитальную тетрадь для стихов, сделанную вручную из газетной бумаги, и ещё одну разлинованную тетрадь без обложки: в неё, кроме прочих стихов, он в Череповецком эвакогоспитале записал своё пронзительное фронтовое стихотворение-реквием «Его зарыли в шар земной...», перекликающееся с «Могилой бойца» М. Ю. Лермонтова [6]. Его ждало медицинское заключение: «стойкое рубцевое обезображивание лица с недостаточностью века на левом глазу, обширные рубцы обеих кистей и пальцев при значительном нарушении их функции после массивного ожога». Также в биографической литературе сказано, что в то время череповецкие врачи сумели спасти зрение поэта, проведя операцию: к лицу запястьем была привязана рука, и на сгоревшее веко с этого запястья пересажен кусочек кожи [6]. Чуть позже, в институте на Охте (под Ленинградом) ему была сделана пластическая операция на лице. В одном из стихотворений он написал:

Вот человек – он искалечен,
В рубцах лицо, но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече

С его лица не отводи.

Он шёл к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть – и глаз не отвести! [3 : 80]

Демобилизованный по инвалидности (признан негодным к строевой службе и уволен в запас), после череды госпиталей С. С. Орлов «выбыл по месту жительства», то есть был выписан домой в г. Белозерске.

Не таким, не в войну, с полпути,
Я мечтал в этот домик прийти.
Щёки в шрамах, в багровых рубцах
(Нету прежнего больше лица)... [3 : 79]

Эти стихи 1945 г. были напечатаны только через 33 года [7]. В автобиографии он рассказал, как встретил всенародный праздник победы 9 мая 1945 г. на рыбалке в родном Белозерье: «Ни одна травинка не колыхалась, река и озеро сливались с чистым небом – так было тихо. Вместе с встающим солнцем из озера пришла лодка; по воде далеко слышно, и до нас долетел крик с лодки: “Эй, что вы сидите? Кончилась война!” Мы глянули на огромное солнце за лодкой, не смежая век, и заплакали, не потому что на солнце нельзя смотреть без слёз» [5]. Долгожданное событие произошло, наступила победа:

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть, –
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить. [3 : 90]

Ещё из одного стихотворения:

Тополь встанет молодой, рожь взойдёт над головой,
Журавли перо обронят, вдаль летя своей тропой.
Будут лить дожди косые, будут петь снега...
Будет жить твоя Россия всем назло врагам. [3 : 236]

Им написаны и другие строки на ту же тему:

Россия есть у каждого своя:
Свои леса в ней и свои поляны,
Свои враги в ней и свои друзья.
Свои у всех на будущее планы.

Но чёрный хлеб её – у всех один,
Насущный хлеб, что Правдою зовётся.
Не все им сыты. Только все едим.
Его хватает нам и остаётся. [3 : 480]

С. С. Орлов, «поэт глубокой простоты», трагически описавший адский ужас войны крайне правдиво и выстраданно, как сам видел и помнил, предельно зримо, четко и беспощадно. Его строки сжаты и эмоциональны. В танке на передовой никто не сидел с блокнотом в руках, и он сочинял стихи наизусть (про себя), записывая их, когда была свободная минута [7 : 112]. Одно из таких стихотворений:

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы, вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась по синему небу над чёрной землёй

И упала на столбик сосновый звезда из фанеры. [3 : 58]

Правда и достоверность стали для него высшей оценкой поэзии, главный критерий которой он выражал так: «Честные стихи, за них жизнью заплачено». К таким пронзительным стихотворениям относится вышеприведенное «После боя» [3 : 58], а также «Открытка» («Недели две разыскивала почта...») [3 : 49], «Мы ушли на заре, словно тени...» [3 : 50], «На фоне нарисованного сада...» [3 : 57], «Витька, Коля, Саша и Петро...» [3 : 94], «Зачем руда сто тысяч лет...» [3 : 433] и другие. Поэт пишет от лица погибших друзей:

Нас нет на свете. Мы трава и лес,
Свист пеночки и звон лозы в кювете,
Волны речной мгновенный вольный плеск
И бьющий в лица на дорогах ветер.

Нас вырубил металл, огонь спалил.
Четыре года, вечности четыре
В пыль разносил грохочущий тротил,
И нас давно уж нет в подлунном мире. [4 : 541]

Не терпевший фактографию, к стихам о войне он относился очень ответственно, считая, что «надо не просто об этом сказать, надо право иметь – сказать» [4 : 4]. Более трехсот его стихотворений, считавшихся недостойными огласки, не были напечатаны при жизни, большая часть их датирована военными годами, многие записаны на клочках, иногда на кальке с обеих сторон, писавшиеся лежа и на ходу, а прежде – на танковой броне [7].

Он не любил вспоминать о себе. Например, в автобиографии написал так: «В армии был рядовым, сержантом, курсантом, лейтенантом, гвардии старшим лейтенантом», – не уточняя, что заключено в тех промежутках [5].

Известно, что водил в бои тяжёлые танки, контужен, дважды горел в танке, обожжен, числился погибшим, а ещё чудом остался в живых благодаря невероятному событию, когда осколок снаряда попал в медаль «За оборону Ленинграда», лежавшую в кармане. В стихах он писал:

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего... Как в травах льются росы.
Как бьёт свинец по танковой броне...
А что ещё... Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован... [4 : 507]

Война закончилась, но «подробности», то есть воспоминания о ней остались навсегда:

Человека осаждают сны –
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины. [3 : 87]

Ещё один сон описан в другом стихотворении:

Приснилось мне жаркое лето, хлеба в человеческий рост
И я – восемнадцатилетний – в кубанке овсяных волос.
Такой, как на карточке старой: без шрамов военной поры,
Ещё не выдавший пожаров, ещё не ходивший в прорыв...

Но тут же я вспомнил о том, как ревел над землёю металл,
Как в чёрных окопных потёмках я письма твои ожидал...
Как падал я в травы устало, не помня уже ничего...
Его впереди это ждало – и я не окликнул его. [3 : 88]

Поэзия XX века немыслима без С. С. Орлова (илл. 3). Как отметил М. Д. Максимов, «его поэтическое лицо неотделимо от человеческого, и это обожженное и вдохновенное лицо красиво, как само время» [7]. Как и в творчестве двух других наших выдающихся земляков – К. Н. Батюшкова и В. В. Верещагина – в основе поэзии С. С. Орлова находится принцип дуализма: показать, как ужасна беспощадная война и как прекрасен хрупкий мир.

Крутится, вертится шар голубой –
Глупая песенка так уж глупа ли?
Нам лишь на это надежда с тобой,
Как наши предки на то уповали...

В шахтах тела маслянистых ракет.
Лампы компьютеров в дрожи экрана.
Памяти нет. Памяти нет
У равнодушия. Это ль не странно?

Прежде всего, он – поэт-гуманист, достоверно рассказавший о войне, забирающей у людей жизнь, здоровье, лучшие молодые годы и надежды на счастливую жизнь на Земле:

Время крепости рушит, а годы летят...
Ах, как жаль мне веснушек ржаной звездопад! [3 : 92]

Стихи С. С. Орлова, участника Великой Отечественной войны, сочетают в себе правду, простоту, трагизм, красоту, и именно поэтому, на наш взгляд, они получили к себе заслуженное уважение и внимание, как прежнего, так и современного читателя. Они были актуальными для тех лет и не потеряли своего ясного смысла в настоящем.

Всё кончится. Уйдут пустые споры
И скорбь за рюмкой водки за миры,
Раздумий пресноводные озёра
И женщин полуночные костры.

Останется лишь то, что ты однажды
Уже узнал, вися на волоске:
Неутоленная тоска и жажда
По небу и травинке на песке. [3 : 478]

Список литературы

1. Акиньев Г. А. Вблизи фронтов. Справочник-путеводитель. – Вологда, 1994. – 212 с.
2. Книга-мемориал воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Часть 1. – Вологда, 1988. – 512 с.
3. Орлов С. С. Будет жизнь: Стихи. – Вологда: Учебн. лит., 2006. – 528 с.
4. Орлов С. С. Избранное: Стихотворения / Предисл. О. Н. Шестинского. Сост. В. С. Орловой. – М.: Худож. лит., 1988. – 656 с.
5. Орлов С. С. Стихотворения. – Л.: Худож. лит., 1968. – 240 с.
6. Панкеев И. А. Сергей Орлов: Судьба и творчество. – М.: Сов. Россия, 1988. – 160 с.
7. Сергей Орлов: Воспоминания современников. Неопубликованное / Сост. В. С. Орловой. – Л.: Лениздат, 1980. – 320 с.

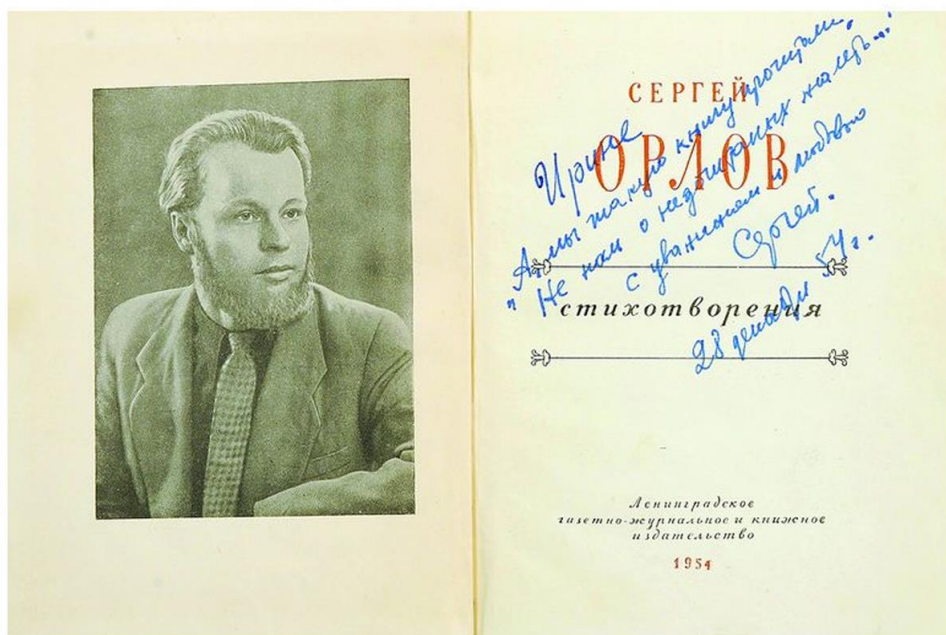
Приложения

Илл. 1. Село Мегра. Фото.

Илл. 2. Сергей Орлов. Довоенное фото.

Илл. 3. Сергей Орлов. Фото и автограф в книге 1954 г.